

ГЕРБЕРТ

УЭЛЛС

*СПЯЩИЙ
ПРОСЫПАЕТСЯ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Герберт Уэллс

Спящий просыпается

«Издательство АСТ»

1899

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Уэллс Г. Д.

Спящий просыпается / Г. Д. Уэллс — «Издательство АСТ»,
1899 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-149043-0

Роман, над которым Герберт Уэллс работал 13 лет, неоднократно переписывая и дополняя его. Благодаря полету фантазии автора читатель видит будущее, в котором стремительно развиваются высокие технологии. Образованный, дальновидный, Уэллс предвидел появление самолетов, космических путешествий и многое другое. Совершенно обычный английский джентльмен конца XIX века Грэхем засыпает – и просыпается в будущем. В очень, очень далеком будущем. В будущем, в котором его называют Спящим, – и в котором он является самым могущественным человеком процветающей и благоденствующей планеты Земля... так, по крайней мере, следует из информации, предоставленной Грэхему. Однако очень скоро Спящий начинает осознавать: жизнь людей изменилась, но ничуть не улучшилась и далеко не все рады пробуждению Грэхема... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149043-0

© Уэллс Г. Д., 1899

© Издательство АСТ, 1899

Содержание

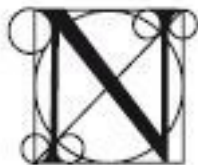
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Герберт Джордж Уэллс Спящий просыпается

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Левшина*

В настоящем издании публикуется перевод последней авторской редакции романа, впервые напечатанного под названием «Когда Спящий проснется» («When the Sleeper Wakes») в 1899 г.

© Перевод. И. Левшин, наследники, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава I

Бессонница

Однажды, в послеполуденный час, молодой художник Избистер, поселившийся в Боскасле, отправился пешком к живописному морскому гроту в Пентаргене, намереваясь изучить во время отлива здешние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке, ведущей к пентаргенскому пляжу, он наткнулся на человека, который с видом крайнего отчаяния сидел под нависающей каменной глыбой. Руки его вяло свисали с коленей, лицо было мокрым от слез, а покрасневшие глаза уставились в пространство.

Заслышав шаги Избистера, человек оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер, и, чтобы преодолеть неловкость, вызванную невольной паузой, он многозначительно заметил, что погода стоит жаркая для этого времени года.

– Даже очень, – коротко ответил незнакомец и, задумавшись на секунду, невыразительным голосом добавил: – Я не могу спать.

Избистер резко остановился возле него.

– Не можете спать? – только и сумел произнести он, но в его тоне явно чувствовалось желание помочь.

– Возможно, это звучит невероятно, – сказал незнакомец, глядя в лицо Избистеру и подчеркивая свои слова слабым движением руки, – но я уже шесть ночей не сомкнул глаз.

– Вы советовались с врачом?

– Да. Его советы по большей части для меня не годятся. Успокоительные средства. Понимаете, моя нервная система... Все они хороши для обычных людей. Это трудно объяснить. Я не отваживаюсь принимать... достаточно сильные снотворные.

– Это усложняет дело, – сказал Избистер.

Он озадаченно стоял на узкой тропинке, не зная, что делать дальше. Этот человек явно хотел поговорить. Мысль, вполне естественная в таких обстоятельствах, подсказала художнику ход дальнейшей беседы.

– Сам я никогда не страдал бессонницей, – сказал он скучным тоном, – но в случаях, которые мне известны, люди обычно находили что-то...

– Я опасаюсь экспериментов, – усталым голосом произнес незнакомец и безнадежно махнул рукой.

– А физические упражнения? – неуверенно предложил Избистер, переводя взгляд с лица собеседника на его костюм туриста.

– Именно это я и попробовал. И поступил, по-видимому, не слишком умно. Я двигался вдоль берега день за днем – от самого Нью-Куэя. И только добавил мышечную усталость к нервной. Причины этого расстройства – переутомление, тревога... К тому же...

Он замолчал, словно от усталости ему трудно было говорить. Затем, коснувшись лба исхудалой рукой, продолжал, как бы беседуя с самим собой:

– Я один, словно волк, ушедший из стаи. Скитаюсь по свету, который мне чужд. Ни жены нет у меня, ни детей. Кто это сказал о бездетных людях, что они – усохшие ветви на дереве жизни? Да, ни жены, ни детей. Не могу найти себе занятия. Сердце мое свободно от желаний. И в конце концов я решил взяться за определенное дело.

Я сказал себе: «Ты просто должен это сделать». Но чтобы начать, нужно было преодолеть инерцию моего отупевшего тела. Я прибегнул к лекарствам. Боже, сколько я их перепробовал! Не знаю, ощущали ли вы когда-нибудь это тяжелое неудобство от собственного организма, эту раздражающую настойчивость, с которой он отбирает время у вашего сознания, и время это – жизнь! Жизнь! Мы живем урывками. Мы обязаны есть, но после этого наступает либо

тупая сытая удовлетворенность, либо наоборот – возбуждение. Нам необходимо дышать свежим воздухом, иначе мысли становятся ленивыми, глупыми и заводят нас в глухие закоулки и тупики. Тысячи отвлекающих ощущений вторгаются в наше сознание извне и изнутри, а затем приходят сонливость и дремота. Похоже, люди живут для того, чтобы спать. Сколь малая часть дня, прожитого человеком, принадлежит ему самому – даже в самом лучшем случае! А потом появляются эти фальшивые друзья, эти помощники-душители, эти алкалоиды, которые подавляют естественное утомление и убивают сон – черный кофе, кокаин...

– Я понимаю, – сказал Избистер.

– Наконец я закончил свою работу, – жалобно произнес человек, страдающий бессонницей.

– И теперь расплачиваетесь?

– Да.

Некоторое время они молчали.

– Вы представить себе не можете, как страстно я желаю заснуть. Это сродни голоду или жажде. Уже шесть долгих дней и ночей – с момента, как я завершил свой труд, – в мозгу моем бушует водоворот мыслей, нескончаемый вихрь, одновременно стремительный – и стоящий на месте, бурный – и никуда не ведущий. Он неудержимо толкает меня... – Незнакомец сделал паузу. – Толкает меня в бездну.

– Вы должны уснуть, – решительно сказал Избистер, с таким видом, словно открыл спасительное средство. – Определенно, вам необходимо уснуть.

– Мой ум ясен, как никогда прежде. Однако я чувствую, что меня затягивает водоворот. И теперь...

– Что теперь?

– Видели когда-нибудь, как предметы исчезают в пучине, уходят от света дня, из этого доброго, осмысленного мира – вниз?..

– Однако... – запротестовал Избистер.

Незнакомец вдруг протянул к нему руку, в его глазах появился дикий блеск, голос сорвался на крик.

– Я должен покончить с собой. Пусть даже в этой темной бездне под утесом, в зеленых волнах. Смотрите, белая пена вздымается и опадает там, куда стекает тонкая струйка водопада. Там, по крайней мере... сон.

– Но это безрассудство, – возразил Избистер; его напугал истерический взрыв эмоций, охвативших незнакомца. – Уж лучше лекарства.

– Там, по крайней мере, сон, – повторил незнакомец, не обращая внимания на его слова. Избистер посмотрел на него.

– Знаете ли, это не наверняка. Похожий обрыв есть возле Лалуортской бухты – такой же высокий, по крайней мере. Так с него упала маленькая девочка, с самого верха. И представьте себе, осталась жива и здорова.

– Ну, а эти скалы внизу?

– На них можно пролежать всю ночь. Ледяная вода будет перекатываться через ваше тело, а изломанные кости скрипеть, когда вы будете дрожать от холода. Каково?

Их глаза встретились.

– Жаль, что приходится вас разочаровывать, – продолжал Избистер тоном холодного безразличия, – но покончить с собой, бросившись с этого – или любого другого – утеса, мне как художнику, – он рассмеялся, – представляется несомненным любительством.

– Но с другой стороны, – раздраженно сказал человек, страдающий бессонницей, – с другой стороны, невозможно сохранить рассудок, если ночь за ночью...

– Вы идете вдоль берега один?

– Да.

– И глупо поступаете, простите меня за грубость. Один! Вы же сами сказали: физическая усталость не лечит от нервного переутомления. Кто вам это посоветовал? Чему тут удивляться, хороша прогулка! Солнце над головой, жара, усталость, одиночество, и так весь день, а потом, полагая, добравшись до кровати, вы изо всех сил стараетесь заснуть. Так?

Избистер умолк и вопросительно посмотрел на страдальца.

– Взгляните на эти скалы! – вдруг воскликнул незнакомец и взмахнул рукой, не вставая с места. – Взгляните на это море, которое сверкает и трепещет здесь из века в век! Посмотрите на белую пену, падающую во тьму под этим утесом! На голубой купол, с которого льются лучи ослепительного солнца. Это ваш мир! Вы принимаете его, он вас радует. Он согревает, поддерживает вас, вы наслаждаетесь им. Но для меня...

Он поднял голову. Его мертвенно-бледное лицо с воспаленными, выцветшими глазами и бескровным ртом было страшно. Он произнес почти шепотом:

– Это лишь облачение моего несчастья. Весь мир... великолепная риза моего страдания.

Избистер взглянул на дикую красоту залитых солнцем утесов, затем на полное безысходности лицо незнакомца. С минуту длилось молчание. Потом художник сделал нетерпеливый жест и заговорил.

– Сон вернется к вам, – сказал он. – И вы не будете во всем видеть только страдание. Даю вам слово.

Теперь он был уже уверен, что эта встреча не случайна. Еще час назад он ощущал ужасающую скуку. Теперь появилась задача, одна мысль о которой вызывала у него восхищение самим собой. Она немедленно захватила его полностью. Он понял, что этому изможденному существу прежде всего необходимо участие. Избистер опустился на крутой, травянистый склон рядом с неподвижно сидящей фигурой и попытался развлечь незнакомца болтовней.

Слушатель, однако, впал в апатию; он уныло смотрел на море, отвечая только на прямые вопросы Избистера, да и то не на все. С другой стороны, он не возражал против благожелательного вмешательства в его отчаянное положение.

Казалось, он был даже благодарен за это, и, когда Избистер, чувствуя, что его красноречие, не встречая отклика, начинает иссякать, предложил снова подняться по крутизне и пройти в сторону Боскасла, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он спокойно подчинился. Пройдя половину пути наверх, он начал говорить сам с собой и вдруг повернул бледное лицо к Избистеру.

– К чему это приведет? Все кружится, кружится, кружится. Все непрестанно вертится, вертится – и этому вращению нет конца.

Он остановился, описывая круги рукой.

– Все будет в порядке, старина, – приятельским тоном успокоил его Избистер. – Не волнуйтесь. Доверьтесь мне.

Незнакомец безвольно опустил руку. Они перевалили через край обрыва и вышли на мыс за Пеналли, а человек, лишившийся сна, все жестикулировал и бормотал обрывки фраз, возникающих в его взвихренном мозгу. С мыса открывался вид на мрачный и таинственный пейзаж Блэкапита. Они остановились, и незнакомец присел на минуту передохнуть. Когда тропинка расширилась настолько, что позволила им идти рядом, Избистер продолжил разговор. Он начал было распространяться о трудностях проводки судов в Боскасскую гавань при плохой погоде, но спутник неожиданно и, пожалуй, не к месту перебил его.

– Голова у меня не та, что раньше, – сказал он, – совсем не та. Я ощущаю какую-то тяжесть, угнетенность. Но – не сонливость, а бог его знает что! Это словно тень, глубокая тень, быстро и внезапно окутывающая нечто деятельное, активное. Все кружится, кружится и погружается во тьму. Замешательство в мыслях, смятение, водоворот за водоворотом. Не могу этого выразить. Не могу сосредоточиться на этом ощущении, чтобы объяснить вам.

Он умолк.

– Не беспокойтесь, старина, – сказал Избистер. – Кажется, я понял. Во всяком случае, сейчас не время вдаваться в объяснения.

Незнакомец принялся тереть глаза кулаками. Избистер продолжал свою болтовню, и вдруг ему в голову пришла новая идея.

– Пойдемте ко мне, – предложил он, – посидим, покурим. Могу показать вам свои этюды Блэкапита, если вы не против.

Его спутник послушно поднялся и последовал за художником по склону. Он двигался медленно, неуверенно и несколько раз споткнулся во время спуска.

– Заходите, – сказал наконец Избистер. – Выкурите сигарету. Глоток спиртного вам тоже, думаю, не повредит. Вы вообще употребляете алкоголь?

Незнакомец задержался у садовой калитки. Казалось, он не отдает себе отчета в своих действиях.

– Я не пью, – медленно произнес он, вступая на дорожку, и, спустя минуту, с отсутствующим видом повторил: – Нет... я не пью. Все идет кругом. Все кружится, вращается... – Споткнувшись на крыльце, он вошел в дом походкой незрячего человека.

В комнате незнакомец тяжело опустился в кресло. Согнулся, обхватил лоб руками и застыл в неподвижности. Из его груди вырвался слабый стон.

Избистер, не привыкший принимать гостей, беспокойно расхаживал взад-вперед, произнося короткие фразы, которые вряд ли требовали ответа. Прошел в другой конец комнаты за папкой этюдов, положил ее на стол и взглянул на каминные часы.

– Не согласитесь ли поужинать со мной, – сказал он, держа в руке незажженную сигарету и думая, как бы незаметно заставить гостя принять хлоралгидрат. – У меня есть только холодная баранина, но замечательно приготовленная. По-уэльски. И кажется, еще пирог.

Он помолчал и повторил свое предложение. Незнакомец не отвечал. Избистер остановился с зажженной спичкой в руке и посмотрел на него.

Молчание затягивалось. Спичка догорела, сигарета осталась нераскуренной, и Избистер положил ее на стол. Человек в кресле оставался совершенно неподвижным. Избистер взял папку, открыл ее, неуверенно положил назад.

– А может быть... – произнес он шепотом. Посмотрел на дверь, потом снова на фигуру в кресле. Затем крадучись, на цыпочках вышел из комнаты, оглядываясь на гостя при каждом шаге.

Дверь комнаты он затворил бесшумно. Входная дверь была распахнута в сад, он сошел с крыльца и остановился возле аконита, росшего в углу цветочной грядки. С этого места он мог видеть через открытое окно недвижную и смутную фигуру незнакомца, сидевшего, опустив голову на руки. Он так и не изменил позы.

Несколько детей, проходивших по улице, остановились и с любопытством уставились на художника. Какой-то лодочник поздоровался с ним. Избистер почувствовал, что его настороженный вид привлекает внимание прохожих, и решил закурить, чтобы выглядеть естественнее. Он вытащил из кармана кисет, трубку и не спеша стал ее набивать.

– Странно, – сказал он, чувствуя, как его покидает прежнее чувство самодовольства. – Что ж, во всяком случае, надо дать ему такую возможность.

И, решительно чиркнув спичкой, принялся раскуривать трубку.

Позади послышались шаги квартирной хозяйки – она вышла из кухни с зажженной лампой. Избистер повернулся, замахал трубкой и успел задержать хозяйку на пороге гостиной. Шепотом он кое-как попытался объяснить ей, в чем дело, – ведь она ничего не знала о его госте. Хозяйка удалилась вместе с лампой, судя по всему, не вполне удовлетворенная объяснениями, а он остался возле крыльца, чувствуя себя очень неловко.

Прошло порядочно времени после того, как он докурил трубку, и летучие мыши уже вылетели на ночную охоту, когда любопытство возобладало наконец над нерешительностью и

он пробрался обратно в темную гостиную. Остановился возле дверей. Незнакомец сидел все в той же позе – темная фигура на фоне окна. Вечер был тихий – только из гавани, с одного из суденышек, перевозивших сланец, доносилось пение. В саду побеги аконита и дельфиниума стояли прямо и неподвижно, за ними вздымался темный склон холма. Неожиданно в мозгу Избистера мелькнула догадка. Он вздрогнул и, наклонившись через стол, прислушался. Зловещее подозрение усилилось и превратилось в уверенность. Изумление сменилось ужасом.

Ни малейшего звука не исходило от сидящей фигуры, ни намек на дыхание!

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, дважды останавливаясь, чтобы прислушаться. Наконец рука его дотронулась до спинки кресла. Он нагнулся, почти коснувшись ухом головы сидящего.

Затем чуть присел и, заглянув в лицо своего гостя, отшатнулся. Избистер вскрикнул: вместо глаз он увидел пустые белые пятна.

Вглядевшись внимательнее, художник понял, что глаза незнакомца открыты, но зрачки закатились под веки. Избистер испугался. Он схватил гостя за плечо и стал трясти.

– Вы спите? – спросил он дрожащим голосом и повторил: – Вы спите?

Теперь он был почти уверен, что этот человек умер. Он вдруг засуетился, заметался по комнате и, наткнувшись на стол, позвонил.

– Пожалуйста, принесите побыстрее лампу, – крикнул он в коридор. – С моим другом плохо.

Он вернулся к неподвижной фигуре незнакомца, снова потряс его за плечи, окликнул. Вошла хозяйка с лампой, и комната наполнилась желтым сиянием. Избистер, моргая, повернул к хозяйке побледневшее лицо.

– Нужен врач, – сказал он. – Он либо мертв, либо в обмороке. Есть в этой деревне врач? Где тут можно найти врача?

Глава II

Летаргия

Состояние каталептического оцепенения, в которое впал незнакомец, длилось необычайно долго, а затем наступило расслабление, и тело стало мягким, как при глубоком сне. Тогда и удалось закрыть его глаза.

Из гостиницы его доставили в боскаслскую больницу, а оттуда через несколько недель перевезли в Лондон. Однако все попытки разбудить его были напрасны. А через некоторое время по причинам, которые будут разъяснены позднее, они были вовсе прекращены. Очень долго он пролежал в этом странном состоянии, бесчувственный и недвижимый – не живой и не мертвый, словно подвешенный между бытием и небытием. Он находился во тьме, куда не проникал ни малейший луч мысли или чувства. Это была лишенная сновидений пустота, ничем не нарушаемый бескрайний покой. Смятение его разума все нарастало и усиливалось, пока в момент кульминации вдруг не оборвалось абсолютным молчанием, полнейшей тишиной. Где был теперь этот человек? Где оказываются люди, когда все чувства оставляют их?

– Кажется, что это случилось только вчера, – сказал Избистер. – Я помню все так ясно, словно это произошло вчера, даже еще более четко.

Это был тот же Избистер, что и в предыдущей главе, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые и несколько более длинные, чем требовала мода, стали серо-стальными и были коротко острижены, а лицо, некогда свежее и румяное, пожелтело и осунулось. В остроконечной бородачке тоже пробивалась седина. Избистер беседовал с пожилым человеком, одетым в летний тиковый костюм, – лето в этот год выдалось исключительно жаркое. Это был Уорминг, лондонский поверенный и близкий родственник Грэма – человека, впавшего в летаргию. Собеседники стояли рядом в комнате лондонского дома и смотрели на неподвижное тело.

Перед ними на резиновом матраце, наполненном водой, лежала странная фигура в длинной свободной рубашке – человек с изможденным желтым лицом, щетинистой бородой и отросшими ногтями на худых руках. Человек был помещен в прозрачный футляр из тонкого стекла. Стекло, казалось, выделяло спящего из окружающей его реальной жизни, он – этот странный и противоестественный феномен – был как бы обособлен от всего. Собеседники сквозь футляр разглядывали лежащего.

– Я был потрясен, – сказал Избистер. – До сих пор становится не по себе, как вспомню его пустые глаза. Совершенно белые, закатившиеся. Приехал сюда и как бы заново все переживаю.

– И вы не видели его с тех пор? – спросил Уорминг.

– Часто хотелось приехать, – признался Избистер, – но в последнее время я так занят, не могу выкроить и дня. К тому же по большей части я живу в Америке.

– Если не ошибаюсь, – заметил Уорминг, – вы были тогда художником?

– Да. Но потом женился и понял, что рисование не дает средств к существованию – особенно такому посредственному художнику. Я занялся фотографией. Эти рекламы на дуврских скалах выполнены под моим руководством.

– Отличные рекламы, – согласился поверенный, – хотя, должен признаться, я не очень обрадовался, увидев их именно на этом месте.

– Зато, если нужно, они могут прослужить столь же долго, сколько будут стоять эти скалы, – с довольным видом объявил Избистер. – Мир меняется. Когда он заснул двадцать лет назад, я прозябал в Боскасле со своим этюдником для акварелей и старомодным благородным честолюбием. Я не мог и вообразить, что мои краски прославят все благословенное побережье Англии от Лендс-Энда до мыса Лизард. Удача часто приходит к человеку, когда он ее вовсе не ищет.

По лицу Уорминга было видно, что он все же сомневается, настоящая ли это удача.

– Именно тогда мы с вами разминулись, если я правильно припоминаю?

– Вы вернулись в том же самом экипаже, который доставил меня на Камелфордский вокзал. Это было во время юбилея – юбилея королевы Виктории¹. Я помню трибуны и флаги в Вестминстере и ссору с извозчиком в Челси.

– Это был второй, бриллиантовый юбилей, – сказал Уорминг.

– Ах да! Во время настоящего юбилея, пятидесятилетия, я был еще мальчишкой и жил в Вуки. И все пропустил... Сколько же хлопот доставил нам этот спящий! Моя квартирная хозяйка не хотела держать его у себя, не позволяла его оставить – он выглядел таким странным, застывшим. Нам пришлось в кресле перенести его в гостиницу. Врач из Боскасла – не нынешний, а прежний – был при нем почти до двух ночи, а мы с хозяином гостиницы помогали ему, держали свет и все такое прочее.

– Он был твердый и окоченевший?

– Окоченевший, это точно. Как его не сгибали, он возвращался в прежнее положение. Можно было поставить его на голову – и он так бы и стоял. Никогда не видел такой окоченелости. Теперь, конечно, – он кивком показал на распростертое тело, – все по-другому. А этот маленький доктор – как его звали?

– Смизерс?

– Да, Смизерс. Он был, пожалуй, не прав, пытаясь привести его в сознание как можно скорее. Чего он только не делал! Меня до сих пор дрожь берет, как вспомню: горчичники, нюхательная соль, иглы. И еще эти дьявольские машинки – не динамо, а...

– Катушки индуктивности.

– Да. Вы бы только видели, как дергались и сокращались его мышцы, как извивалось в судорогах тело. Представьте только: две свечи, горящие ярким желтоватым светом, шевелящиеся тени, этот маленький суетливый доктор – и, наконец, он сам, окостеневший и в то же время корчащийся самым невероятным образом. До сих пор вижу это в кошмарах.

Наступила тишина.

– Какое странное состояние, – произнес наконец Уорминг.

– Полное отсутствие личности, – сказал Избистер, – перед нами только пустая телесная оболочка. Еще не совсем мертвая, но и не живая. Это словно свободное место с табличкой «занято». Никаких ощущений, пищеварение отсутствует, не слышно биения сердца, ни один мускул не дрогнет. Я не ощущаю здесь присутствия человека. В некотором смысле он даже более мертв, чем настоящий мертвец: врачи сказали мне, что даже волосы у него перестали расти. А после смерти волосы у покойника некоторое время еще растут.

– Я знаю, – помрачнев, ответил Уорминг.

Они снова посмотрели сквозь стекло. Грэм действительно находился в странном состоянии, в расслабленной стадии транса, беспрецедентной в истории медицины. Бывали случаи, когда состояние транса длилось около года, но в конце концов оно завершалось либо пробуждением, либо смертью – иногда сначала происходило первое, а затем второе. Избистер обратил внимание Уорминга на следы уколов, с помощью которых врачи проводили внутривенное питание, но тот явно старался не замечать их.

– И пока он тут лежал, – продолжал Избистер, в голосе которого чувствовалось довольство жизнью, – я успел переменить свои жизненные планы; женился, обзавелся семьей. Мой старший сын – тогда я еще и не думал, что у меня будут сыновья, – американский гражданин и скоро закончит Гарвард. Я поседел. А этот человек не стал ни старше, ни умнее, чем был в мои молодые годы. Странно...

Уорминг повернулся к нему:

---

¹ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 г. (Здесь и далее – примеч. ред.)

– Я тоже постарел. Я играл с ним в крикет, когда был совсем юнцом. А он все еще выглядит довольно молодым человеком. Правда, пожелтел. Однако, что ни говори, это молодой человек.

– За эти годы прошла война, – сказал Избистер.

– С первого дня до последнего.

– Ведь у него, если я не ошибаюсь, – сказал, помолчав, Избистер, – было небольшое состояние?

– Да, вы правы, – сказал Уорминг и закашлялся. – Но когда это произошло, я взял его под опеку.

– Ах так! – Избистер, поколебавшись, предположил: – Вряд ли его содержание здесь обходится слишком дорого. Так что состояние, наверное, приумножилось?

– Верно. Он проснется – если вообще проснется – куда богаче, чем был.

– Мне как деловому человеку приходила в голову мысль, что в финансовом смысле этот сон оказался для него весьма выгодным. И он знал, если так можно выразиться, что делал, погружаясь в летаргию на столь долгий срок. Если бы он жил все это время...

– Я сомневаюсь, что он устроил это намеренно, – сказал Уорминг. – Он не был дальновидным человеком. На самом деле...

– Что?

– Наши взгляды сильно расходились. Я был при нем кем-то вроде опекуна. Вы, вероятно, достаточно хорошо разбираетесь в делах и знаете, что в определенных случаях возникают некоторые трения... Впрочем, не думаю, что он когда-нибудь вообще проснется. Сон отнимает у человека силы медленно, но рано или поздно они все-таки исчерпаются. Это выглядит так, словно он очень медленно, но неуклонно сползает вниз по пологому склону. Вы понимаете меня?

– Очень жаль, если нам не удастся увидеть, как он изумится, когда проснется. За эти двадцать лет многое изменилось. Это было бы настоящим возвращением Рип Ван Винкля.

– Да, действительно перемены большие, – сказал Уорминг. – Между прочим, и со мной. Я стал стариком.

Избистер замаялся, а затем изобразил запоздалое удивление:

– Никак бы этого не подумал.

– Мне было сорок три года, когда его банкиры – вы ведь посылали им телеграмму – обратились ко мне...

– Я нашел их адрес в чековой книжке, которая была у него в кармане, – сказал Избистер.

– Так вот, сложение не такое уж трудное арифметическое действие, – заметил Уорминг.

Они еще немного помолчали, а затем Избистер дал волю своему любопытству.

– Он может пролежать так еще многие годы, – сказал он, поколебался и продолжил: – Мы должны учитывать и такую возможность. Управление его имуществом в один прекрасный день может перейти в другие руки.

– Можете поверить мне, господин Избистер, это одна из тех проблем, над которыми я размышляю постоянно. Получилось так, что между нами не было достаточно надежных и доверительных отношений. Сложилась странная и беспрецедентная ситуация.

– Пожалуй, – согласился Избистер.

– Мне кажется, это должно послужить поводом для создания некоего общественного органа, который будет практически бессмертным опекуном, если он, как считают врачи – по крайней мере, некоторые, – в самом деле может когда-нибудь проснуться... Во всяком случае, я уже обратился с таким предложением к некоторым общественным деятелям. Но дело пока не сдвинулось с места.

– Право, неплохая мысль – передать его под опеку общественному органу, скажем, Совету попечителей Британского музея или Королевскому медицинскому колледжу. Это звучит несколько странно, но ведь и ситуация тоже не заурядная.

– Трудно будет уговорить их взять его под опеку.

– Много бюрократической волокиты?

– Отчасти.

Наступила пауза.

– Любопытная ситуация, – заметил Избистер. – А сложные проценты на капитал все растут.

– Разумеется, – подтвердил Уорминг. – И теперь, когда сокращается золотой запас, намечается тенденция к росту цен.

– Да, я уже ощутил это, – поморщившись, сказал Избистер. – Но для него такая тенденция благоприятна.

– Если только он проснется.

– Да, если только он проснется, – повторил Избистер. – А вы заметили, как у него заострился нос и ввалились глаза?

Уорминг внимательно посмотрел на спящего и задумался.

– Сомневаюсь, что он когда-нибудь проснется, – сказал он наконец.

– Я так толком и не понял, – признался Избистер, – что явилось причиной этой летаргии.

Он, правда, говорил мне о переутомлении. Я часто задумывался, чем он был так занят?

– Он был человеком одаренным, но эмоциональным и порывистым. Его преследовали семейные неприятности. С женой он развелся и, чтобы отвлечься, ударился в политику, причем со всей страстью. Он сделался фанатиком-радикалом – не то социалистом, не то типичным либералом передового направления, как они себя называли. Энергичный, взбалмошный и необузданный, он просто надорвался в полемических баталиях. Помню его памфлет – любопытное произведение. Дикое, причудливое! Там, кстати, было высказано несколько пророчеств. Некоторые из них лопнули, но о других сейчас можно говорить как о свершившемся факте. Прежде всего, читая его записки, начинаешь понимать, что наш мир полон неожиданностей. Ему придется многому учиться и от многого отвыкать, когда он проснется. Если пробуждение вообще когда-нибудь наступит.

– Чего бы я только не отдал, – проговорил Избистер, – чтобы услышать его слова.

– И я, – подхватил Уорминг. – Ах, как мне этого хотелось бы! Но, увы, – добавил он с неожиданной стариковской жалостью к себе, – мне не доведется увидеть его пробуждения.

Он помолчал, задумчиво глядя на восковую фигуру, лежащую перед ним.

– Нет, он не проснется, – сказал он наконец и вздохнул. – Он никогда не проснется.

Глава III

Пробуждение

Но Уорминг ошибся. Пробуждение все-таки наступило.

Что за удивительная и сложная штука – ощущение собственной личности как некоего единства! Кто способен проследить ежеутреннее ее возрождение – от слияния бесчисленных потоков переплетающихся воздействий, от смутных движений просыпающейся души, от того момента, когда бессознательное начинает расти и переходит в подсознательное, а подсознательное преобразуется в первые проблески сознания – пока мы наконец снова распознаем черты собственной личности? Все, что происходит с большинством из нас утром во время пробуждения, переживал и Грэм, когда закончился его длительный сон. Смутный туман возрождающихся ощущений, мрачно клубясь, обретал форму, и Грэм, пока еще не ясно, начал понимать, что лежит где-то, беспомощный, слабый – но живой.

Это паломничество к собственной личности ему пришлось совершить, преодолевая бездонные пропасти, заполняя пропущенные эпохи. Чудовищные сны, некогда бывшие грозной реальностью, оставили после себя невнятные воспоминания, где в странных сценах участвовали загадочные персонажи, и все происходило словно на другой планете. Было здесь и четкое впечатление от важного разговора, от имени – он не мог вспомнить чье, – которое должно было впоследствии снова возникнуть. Вернулось странное, давно позабытое ощущение собственных вен и мускулов, память о яростных безнадежных усилиях, тщетных усилиях человека, сползающего во тьму. Затем возник ряд зыбких, переливающихся одна в другую картин...

В конце концов Грэм обнаружил, что глаза его открыты и он смотрит на какой-то незнакомый предмет.

Это было что-то белое, какая-то деревянная рама. Он медленно повернул голову, следуя глазами за контуром предмета. Рама уходила куда-то вверх и исчезала из его поля зрения. Он попытался сообразить, где находится. Впрочем, имело ли это значение, если ему так плохо? Мрачное, подавленное настроение опять охватило его. Безотчетная тоска, которая бывает у людей, проснувшихся незадолго до рассвета. Ему почудился неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

Первое же движение головой показало ему, как он ослаб. Он подумал, что лежит в гостинице, в постели, но никак не мог припомнить, где видел эту белую раму. Он, наверное, заснул. Он вспомнил, как ему хотелось спать, вспомнил утес, и маленький водопад, и какой-то разговор со случайным прохожим...

Как долго он проспал? Что это был за стук шагов, и откуда доносился нарастающий и опадающий звук, похожий на шум разбивающихся волн и шорох гальки? Грэм вяло протянул руку, чтобы взять часы со стула, на который он привык их класть, но пальцы натолкнулись на гладкую твердую поверхность, по ощущению похожую на стекло. Это вышло так внезапно, что он сильно перепугался. Резко повернувшись, Грэм огляделся и с трудом сел. Усилие далось нелегко, вызвало приступ слабости и головокружения.

Он в изумлении протер глаза. Загадочность положения смущала его, но голова была совершенно ясной: видимо, сон пошел на пользу. Он был вовсе не в постели – в привычном значении этого слова. Совершенно голым он лежал на очень мягком и податливом матрасе, постеленном в лотке из темного стекла. Матрац был полупрозрачный – Грэм отметил это с опаской, – а внизу располагалось зеркало, смутно отражавшее его фигуру. К его руке – он с содроганием увидел, что кожа странно высохла и пожелтела, – был прикреплен непонятный прибор, сделанный из резины, прикреплен так искусно, что, казалось, его верхний и нижний края проникают в кожу. Это странное ложе помещалось в футляре, или ящике, из, как ему

показалось, зеленоватого стекла, белая рама которого первой задержала на себе его внимание. В углу футляра была укреплена доска с блестящими замысловатыми приборами неизвестного назначения, хотя он узнал максимальный и минимальный термометр.

Зеленоватая дымка мешала видеть предметы за пределами футляра, но Грэм все-таки разглядел, что его ложе стоит посреди роскошного просторного помещения, а прямо перед ним вздымается большая белая арка. За самой стеклянной стенкой размещались несколько предметов мебелировки: стол, накрытый серебристой скатертью, блестящей, как рыба чешуя, и два изящных кресла. На столе стояли несколько блюд с какими-то кушаньями, два стакана и бутылка. Грэм вдруг ощутил, как сильно он проголодался.

Никто не появлялся в зале, и после некоторого колебания он слез с прозрачного матраса и попытался спуститься на чистый белый пол стеклянной клетки, однако не рассчитал сил, покачнулся и, стараясь удержаться на ногах, оперся рукой на стеклоподобную поверхность перед собой. Некоторое время она сопротивлялась нажиму, прогибаясь наружу, словно упругая пленка, а потом лопнула со слабым хлопком и пропала – как мыльный пузырь. Грэм, в высшей степени изумленный, шагнул в зал. Схватился за стол, чтобы сохранить равновесие, и столкнул на пол один из стаканов. Тот зазвенел, но не разбился, а Грэм опустился в кресло. Чуть-чуть придя в себя, налил в оставшийся на столе стакан немного бесцветной жидкости из бутылки – это была не вода, у нее был тонкий вкус и приятный аромат, и она мгновенно придала ему сил и прибодрила. Поставив пустой стакан на стол, Грэм осмотрелся.

Помещение показалось ему и теперь не менее великолепным и обширным, чем прежде, сквозь прозрачную зеленоватую преграду. За аркой, которую он отметил раньше, начинался лестничный марш, спускавшийся к широкой галерее. По обе стороны галереи стояли полированные колонны из какого-то материала глубокого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносились голоса множества людей и глубокий нестихающий гул. Грэм сидел, теперь уже окончательно проснувшись, и настороженно прислушивался, забыв о еде.

Вдруг он вспомнил, что сидит голый, поискал глазами, чем бы накрыться, и рядом с собой, на одном из кресел, увидел небрежно брошенный длинный черный плащ. Завернулся в него и, весь дрожа, снова сел.

Растерянность не оставляла его. Ясно было, что он спал и во время сна его куда-то перенесли. Но куда? И кто мог это сделать, что за толпа скрывалась за темно-синими колоннами? Это Боскасл? Он налил себе еще немного бесцветной жидкости и отхлебнул из стакана.

Что это за помещение, которое, как ему казалось, подрагивает, словно живое? Он обвел взглядом чистые, благородные формы зала, не запятнанные украшениями, и обнаружил на потолке круглое отверстие, заполненное светом; какая-то тень то затмевала его, то открывала снова. «В-вум, в-вум», – эта скользкая тень вносила свою ноту в приглушенный шум, наполнявший воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь, но из горла вырвался только слабый хрип. Тогда он поднялся и неуверенной, словно пьяной, походкой двинулся в сторону арки. Шатаясь, спустился по лестнице, наступил на край своего черного плаща и едва удержался на ногах, схватившись за синюю колонну.

Пятно пурпурно-голубого холодного света маячило в конце колоннады; там она заканчивалась чем-то вроде балкона, ярко освещенного и нависающего над туманным пространством, похожим на интерьер колоссального здания. Вдали смутно различались очертания огромных архитектурных форм. Звуки голосов сделались громче и отчетливей, а на балконе спиной к Грэму стояли, жестикулируя и оживленно беседуя, три человека, одетые в богатые свободного покроя одежды чистых и нежных расцветок. Снизу доносился шум огромного людского собрания. Вот, кажется, мелькнул наконечник знамени, а потом какой-то ярко окрашенный предмет – то ли шапка, то ли куртка – взлетел вверх и снова исчез. Люди кричали, похоже, по-

английски – все время повторялось слово «проснется». Он услышал неразборчивый пронзительный выкрик в толпе, и тут же трое на балконе рассмеялись.

– Ха-ха-ха! – заливался один из них, рыжий, в короткой одежде пурпурного цвета. – Когда Спящий проснется – вот именно, когда!

Он перевел взгляд, в котором еще светилось веселье, в сторону галереи. Вдруг лицо его изменилось, и весь он переменялся, как будто застыл. Двое других резко повернулись на его возглас и тоже замерли. На их лицах появилось выражение растерянности, постепенно переходящей в благоговейный страх.

Ноги у Грэма подкосились, рука, опиравшаяся на колонну, ослабла, он шагнул вперед и упал ничком.

Глава IV

Шум мятежа

Последнее, что услышал Грэм, прежде чем потерять сознание, был звон колоколов. Как позже выяснилось, он пролежал без чувств, между жизнью и смертью, почти час. Придя в себя, он обнаружил, что снова лежит на своем прозрачном матрасе, ощущая тепло в сердце и горле. Загадочный темный приборчик был удален с его руки и заменен повязкой. Белая рама все еще нависала над ним, но обтягивающее ее зеленоватое прозрачное вещество исчезло. Человек в фиолетовом – один из тех, что стояли на балконе, – пытливо вглядывался в его лицо.

Издалека слабо, но настойчиво доносился колокольный звон и неясный шум, вызвавший в его воображении картину огромного множества людей, кричащих одновременно. Шум неожиданно затих, натолкнувшись на какую-то преграду, словно вдруг захлопнулась дверь.

Грэм поднял голову.

– Что все это означает? – медленно произнес он. – Где я?

Тут он заметил в комнате рыжеволосого человека, который первым увидел его. Кто-то попытался переспросить, что сказал Спящий, но его тут же утихомирили.

Человек в фиолетовом ответил мягким голосом, произнося английские слова, как показалось Грэму, с чуть заметным иностранным акцентом:

– Вы в полной безопасности. Вас перенесли оттуда, где вы заснули. Здесь совершенно безопасное место. Вы находились тут какое-то время в состоянии сна. Летаргического сна.

Было сказано еще что-то, но Грэм не разобрал слов, потому что к его лицу поднесли какой-то флакон. Он ощутил на лбу прохладную струю ароматного тумана и почувствовал себя бодрее. Потом удовлетворенно прикрыл глаза.

– Вам лучше? – спросил человек в фиолетовом, и Грэм взглянул на него. Это был приятной внешности мужчина лет тридцати, с остроконечной льняной бородкой; золотая застежка украшала ворот его одежды.

– Да, – ответил Грэм.

– Вы некоторое время провели в летаргии, в каталептическом трансе. Вам знакомо это понятие? Летаргия? Это может показаться вам странным, но уверяю вас, теперь все в порядке.

Грэм промолчал, но ободряющие слова сделали свое дело. Его взгляд перебежал с одного лица на другое. Все трое смотрели на него как-то странно. Он полагал, что находится где-то в Корнуолле, но все, что он видел, никак не вязалось с этим предположением.

Грэм вспомнил о деле, которое занимало его мысли в последние минуты бодрствования в Боскасле, о чем-то важном, но забытом. Он прокашлялся.

– Скажите, вы отправили телеграмму моему кузену? – спросил он. – Э. Уормингу, двадцать семь, Чансерилейн?

Они внимательно выслушали его, однако вопрос пришлось повторить.

– Какой неразборчивый выговор, – прошептал рыжеволосый.

– Телеграмму, сир? – озадаченно переспросил молодой человек с льняной бородкой.

– Он имеет в виду передачу сообщений на расстояние по электрическим проводам, – догадался третий, миловидный юноша лет девятнадцати-двадцати.

Русобородый с досадой воскликнул:

– Как же это я не сообразил! Можете не волноваться, все будет сделано, сир, – обратился он к Грэму. – Но боюсь, нам будет трудно послать э-э-э... телеграмму вашему кузену. Его сейчас нет в Лондоне. Впрочем, не утруждайте себя подобными мелочами: ведь вы проспали достаточно долго, и теперь самое важное – преодолеть последствия этого, сир. (Грэм сообразил, что это было слово «сэр», хотя звучало оно как «сир».)

– О! – только и смог сказать он, однако почувствовал себя немного спокойнее.

Все это было весьма загадочно, но, по-видимому, люди в одеждах незнакомого покрова знали, о чем говорят. Однако же, они какие-то странные, как и этот зал. Похоже, здесь какое-то совершенно новое учреждение. Грэм внезапно обуяло подозрение. Это не может быть залом выставочного павильона! В противном случае Уормингу не поздоровится. Нет, на это не похоже. Не стали бы его показывать в выставочном зале голым.

Внезапно он понял, что произошло. Осознание пришло сразу – это была вспышка, а не постепенное озарение. Летаргический сон длился долго, очень долго; он словно прочитал мысли и истолковал смущение и страх, написанные на лицах собеседников. С глубоким волнением взглянул на них. Казалось, и они старались проникнуть в его мысли. Грэм сложил губы, чтобы заговорить, но не смог издать ни звука. Странное желание скрыть свою догадку возникло в его мозгу почти одновременно с открытием. Он опустил глаза и стал рассматривать свои босые ноги. Желание говорить прошло. Его охватила сильная дрожь.

Грэму дали какой-то розовой с зеленоватым отблеском жидкости. Он почувствовал вкус мясного бульона. Тотчас силы вернулись к нему.

– Да, теперь мне намного лучше, – хрипло сказал он, чем вызвал ропот почтительного одобрения.

Голова стала совершенно ясной. Он снова попытался заговорить, опять не смог. Прижал руку к горлу и сделал еще одну попытку:

– Сколько?.. – спросил он как можно спокойнее. – Сколько времени я проспал?

– Довольно долго, – ответил русобородый, бросив быстрый взгляд на остальных.

– Как долго?

– Очень долго.

– Так! – внезапно разозлившись, сказал Грэм. – Я хочу знать... То есть... несколько лет? Много лет? Тут что-то произошло... Я забыл что. Я... запутался. Но вы... – Он всхлипнул. – Не надо увиливать. Сколько?..

Грэм замолчал, прерывисто дыша. Прижал кулаки к глазам и сел в ожидании ответа.

Его собеседники стали перешептываться.

– Пять, шесть лет? – спросил он слабым голосом. – Больше?

– Намного больше.

– Больше?!

– Да, больше.

Он смотрел на них; казалось, какие-то бесы заставляют дергаться мышцы его лица. Он ждал ответа.

– Много лет, – сказал рыжебородый.

Грэм выпрямился и худой рукой смахнул наверхушнюю слезу.

– Много лет! – повторил он. Крепко зажмурился, снова открыл глаза и стал озираться, переводя взгляд с одного незнакомого предмета на другой. Наконец спросил:

– Так сколько же все-таки?

– Это может вас крайне удивить.

– Пусть.

– Более гросса лет.

Незнакомое слово вызвало его раздражение.

– Как вы сказали?

Двое из присутствующих быстро обменялись короткими фразами; Грэм смог разобрать только слово «десятичный».

– Так сколько вы сказали? – настаивал он. – Сколько? И не надо на меня так смотреть. Говорите.

Среди фраз, произнесенных вполголоса, ухо Грэма уловило одну: «Получается больше двух столетий».

– Что?! – воскликнул он, повернувшись к юноше, который, как ему показалось, произнес эти слова. – Кто это сказал? Как это... два столетия?

– Да, – подтвердил рыжебородый, – двести лет. Две сотни лет.

Грэм про себя повторил его слова. Он готов был услышать, что проспал очень долго, но эти не оставляющие места для догадок слова – два столетия – сразили его.

– Два века, – произнес он вслух, и в его воображении медленно возникла картина гигантской бездны. – О, нет...

Они промолчали.

– Вы... вы сказали...

– Двести лет. Два века, – повторил человек с рыжей бородой.

Опять молчание. Грэм посмотрел в их лица и понял, что ему сказали правду.

– Но этого не может быть, – жалобно сказал он. – Это мне снится. Летаргия... Она не может столько длиться. Это неправда... Вы шутите! Скажите... ведь всего несколько дней назад я шел вдоль берега Корнуолла...

Голос его оборвался.

Человек с льняной бородкой пробормотал:

– Я не очень силен в истории, сир, – и оглянулся на остальных.

– Но это так, сир, – сказал младший из них. – Боскасл находится в прежнем герцогстве Корнуэльском... в юго-западной части страны. Там, за выгонами для молочного скота, до сих пор стоит дом. Я в нем побывал.

– Боскасл! – Грэм посмотрел на юношу. – Да, именно Боскасл. Маленькое местечко. Я заснул... где-то там. Точно не помню... точно не помню. – Он нахмурился и прошептал: – Больше двухсот лет. – И вдруг быстро заговорил; лицо его дергалось, сердце похолодело. – Но ведь если прошло двести лет, то все, кого я знал, все, кого я когда-либо видел, с кем разговаривал, давно умерли?

Никто не ответил.

– И королева, и вся королевская семья, и министры, и духовенство и государственные деятели... Аристократы и плебеи, богатые и бедные, все, все, один за другим... Существует ли еще Англия?.. Это меня утешает – ведь мы в Лондоне? Это Лондон?.. А вы – мой хранитель-опекун. И они? Тоже хранители? – Привстав, он окинул их мрачным взглядом. – Но почему я здесь? Нет! Не говорите. Помолчите. Дайте мне...

Грэм умолк, протирая глаза, а когда открыл их, увидел, что ему подают еще один стакан с розовой жидкостью. Он сделал глоток и заплакал. Эта естественная реакция принесла облегчение.

И он снова взглянул им в глаза, несколько глуповато улыбаясь сквозь слезы.

– Подумать только... две... сот... ни... лет! – проговорил он с истерической гримасой и опять закрыл лицо руками.

Через некоторое время Грэм успокоился и сел – почти в той же позе, в которой нашел его Избистер на утесе возле Пентаргена. Но сейчас же услышал приближающиеся шаги; низкий властный голос произнес:

– Что вы здесь делаете? Почему меня не предупредили? Наверняка что-то ему рассказали? Виновный понесет наказание. Этому человеку необходим полный покой. Двери заперты? Все входы? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Что-нибудь ему уже сказали?

Человек со светлой бородкой что-то тихо ответил. Грэм увидел, что он говорит с ново-прибывшим, невысоким бритым толстяком с бычьей шеей, орлиным носом и тяжелым подбородком. Очень густые, черные, чуть скошенные брови, почти сросшиеся и нависающие над

серыми глазами, придавали лицу грозное выражение. Он нахмурился, взглянув на Грэма, но опять повернулся к русобородому.

– Остальным, – сказал он с явным раздражением, – лучше удалиться.

– Нам уйти? – спросил рыжий.

– Разумеется, и немедленно. И проверьте, чтобы все двери были заперты.

Двое, к которым он обратился, послушно повернулись, покосившись на Грэма, и вместо того, чтобы пойти к арке, направились к глухой стене напротив. Длинная полоса этой, как казалось, монолитной стены вдруг с треском свернулась, ушла вверх, зависнув над выходящими людьми, сейчас же опустилась, и Грэм остался с новоприбывшим и человеком с русой бородой.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэма внимания; он расспрашивал о каких-то общих делах русобородого – очевидно, своего подчиненного. Говорил он очень четко, но Грэм только отчасти понимал сказанное. Похоже было, что его пробуждение не только удивило, но испугало и раздосадовало толстяка.

– Вам не следовало смущать его ум своими рассказами, нет, не следовало, – то и дело повторял он.

Выслушав ответы русобородого, он быстро повернулся и с непонятным выражением посмотрел на проснувшегося.

– Удивлены? – спросил он.

– Очень.

– Окружающий мир кажется вам странным?

– Что ж, думаю, мне придется жить в этом мире, каким бы странным он ни казался.

– Теперь, пожалуй, да.

– Прежде всего, не мог бы я получить какую-нибудь одежду?

– Да, конечно... – начал толстяк, и русобородый, перехватив его взгляд, вышел. – Вам незамедлительно принесут одежду.

– Это правда, что я проспал двести лет? – спросил Грэм.

– Они уже успели вам рассказать, да? Говоря точнее, двести три года.

Грэм принял эту неоспоримую теперь истину, чуть приподняв брови и плотно сжав губы. С минуту он сидел молча, потом задал вопрос:

– Здесь что, мельница или динамо-машина по соседству? – И продолжал, не ожидая ответа: – Я понимаю, все так изменилось... А что это за крики? – вдруг спросил он.

– Пустяки. Это народ, – раздраженно сказал толстяк. – Позже вы и сами все поймете. Это верно, все сильно изменилось. – Он говорил резко, сдвинув брови, и глядел на Грэма как человек, пытающийся принять решение в критической ситуации. – Так или иначе, одежду вы получите. Лучше подождать здесь, пока ее принесут. Никто не должен сюда приближаться. И вам следует побриться.

Грэм потрогал свой подбородок.

Возвратился человек с льняной бородкой. Направляясь к ним, он вдруг оглянулся, прислушался, подняв брови, взглянул на толстяка и поспешил через арку к балкону. Шум становился все громче. Толстяк повернул голову и тоже прислушался. Тихо выругался и с неприязнью перевел взгляд на Грэма. Крики вздымались мощной волной и вновь стихали, однажды донесся звук удара и резкие вопли, затем сухой треск, похожий на хруст ломающихся прутьев. Грэм напряг слух, чтобы уловить какой-то смысл в этой путанице звуков.

И тут он разобрал фразу, повторяющуюся снова и снова. Поначалу Грэм не поверил своим ушам. Но это, несомненно, были слова: «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!»

Толстяк неожиданно кинулся к арке.

– Что за вздор! – прокричал он. – Как они узнали? Знают наверняка или догадываются?

Из-за арки последовал какой-то ответ.

– Я не могу выйти, – сказал толстяк, – мне нужно присматривать за ним. Ну, крикните им что-нибудь с балкона.

Ответ невозможно было разобрать.

– Скажите, что он не проснулся. Да что угодно! На ваше усмотрение. – Он поспешил назад, к Грэму. – Вам немедленно нужно одеться. Здесь оставаться нельзя – мы не сможем... – Он поспешно выбежал, не отвечая на вопросы Грэма. Через минуту появился снова.

– Не могу объяснить вам, что происходит. Слишком сложно. Сейчас вам изготовят одежду. Да, все вот-вот будет сделано. И я смогу забрать вас отсюда. Вы очень скоро разберетесь в наших проблемах.

– Но эти голоса. Они кричали...

– Да, про Спящего – это про вас. Им пришла в голову какая-то безумная идея. Не знаю, чего они хотят. Ничего не знаю.

Резкий, пронзительный звонок перекрыл отдаленный невнятный гул толпы, и этот бесцеремонный человек подскочил к каким-то приборам в углу комнаты. Некоторое время слушал, глядя в хрустальный шар, затем кивнул, произнес несколько слов и подошел к стене, за которой исчезли те двое. Стена снова свернулась и ушла вверх, словно занавес, но он стоял рядом и чего-то ждал.

Грэм поднял руку и с изумлением осознал, насколько восстановились его силы от тонирующих средств. Спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Голова больше не кружилась. Не вполне доверяя такому быстрому выздоровлению, он сел и принялся ощупывать свои руки и ноги.

Через арку вошел русобородый, и одновременно в проем перед толстяком скользнула сверху кабина лифта; из нее вышел худощавый седой человек в темно-зеленой облегающей одежде со свертком в руках.

– А вот и портной, – сказал толстяк, жестом представляя вошедшего. – Теперь вам больше не придется носить этот черный плащ. Не могу понять, как он попал сюда. Но я разберусь, во всем разберусь. Поторопитесь! – сказал он портному.

Человек в зеленом поклонился, подошел и сел на ложе рядом с Грэмом. Он держался спокойно, но взгляд его был полон любопытства.

– Мода сильно изменилась, сир, – сказал он, покосившись исподлобья на толстяка. Быстрым движением портной раскрыл сверток, и на его колени выплеснулся водопад ярких тканей, от которых у Грэма зарябило в глазах. – Вы, сир, жили в викторианскую эпоху, во времена цилиндров. Полушария шляп... Кривые словно очерчены циркулем. А теперь... вот. – Он вытащил небольшой приборчик, формой и размером похожий на карманные часы, только без скважины для ключа, нажал какую-то кнопку и показал Грэму – на циферблате задвигалась фигурка в белом. Портной взял кусок голубовато-белого атласа.

– Я бы вам предложил этот материал, – сказал он.

Толстяк подошел и встал за плечом Грэма.

– У нас очень мало времени, – напомнил он.

– Положитесь на меня, – сказал портной. – Моя машина сейчас прибудет. Ну, что скажете?

– Что это? – спросил человек из девятнадцатого века.

– В ваше время клиентам показывали журнал мод, – объяснил портной, – а это наше современное устройство. Посмотрите сюда. – Маленькая фигурка повторила свои пируэты, но в другом костюме. – Или на это. – С легким щелчком фигурка появилась на экране в новом, совершенно роскошном одеянии. Портной проделывал все очень быстро и дважды успел взглянуть в сторону лифта.

Снова послышалось урчание, и из лифта появился анемичный коротко остриженный паренек китайского типа в одежде из грубого светло-синего холста. Он бесшумно вкатил в

комнату сложную машину на маленьких колесиках. Кинетоскоп незамедлительно был убран, и Грэм предложили встать перед машиной. Портной пробормотал несколько указаний стриженному подростку, а тот в ответ произнес гортанным голосом несколько фраз, которых Грэм не смог разобрать. Затем мальчик отошел в угол и там продолжил свой невнятный монолог, а портной вытянул из машины многочисленные коленчатые рычаги с дисками на концах и установил их так, чтобы диски прилегали к телу Грэма: по одному на каждой из лопаток, по одному на локтях, с обеих сторон шеи и так далее, пока они не выстроились в две линии меток, проходивших по всему телу и конечностям. В это время из лифта за спиной Грэма появился кто-то еще. Портной пустил в ход механизм, который привел части машины в ритмичное движение, а через минуту сложил рычаги, и Грэм был свободен. Портной вернул ему черный плащ, а русобородый поднес стаканчик с каким-то освежающим напитком. Взглянув поверх стакана, Грэм заметил, что его внимательно рассматривает бледный юноша.

Толстяк, который обеспокоенно расхаживал по комнате, вдруг повернулся и прошел за арку, к балкону, откуда по-прежнему, то нарастая, то затихая, доносился отдаленный шум толпы. Стриженный паренек передал портному рулон голубоватого атласа, и оба они принялись заправлять ткань в машину – примерно так, как в девятнадцатом веке заряжали бумагу в типографиях. Затем бесшумно откатали агрегат в дальний угол, где изящными петлями свисал выходящий из стены кабель. Портные сделали необходимые подсоединения, и машина задвигалась быстро и энергично.

– Что они там делают? – спросил Грэм, указывая пустым стаканом на фигуры, суесящиеся в углу, и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего. – Туда подведена какая-то энергия?

– Да, – ответил русобородый.

– А это кто? – спросил Грэм, указывая в сторону арки.

Человек в фиолетовой одежде погладил свою бородку, чуть поколебался и негромко сказал:

– Это Говард, ваш главный опекун. Понимаете, сир, это довольно трудно объяснить. Совет назначает опекуна и его помощников. В этот зал допускается публика, но сегодня мы впервые заперли двери. Если вы не возражаете, он сам вам все объяснит.

– Как странно, – произнес Грэм. – Совет? Опекун? – Затем, повернувшись спиной к новоприбывшему, вполголоса спросил: – Почему этот молодой человек так уставился на меня? Он что, гипнотизер? Месмерист?

– Нет, не месмерист. Он – капиллотомист.

– Капиллотомист?

– Да, один из главных. Он получает в год шестьдюж львов.

Это звучало как совершенная бессмыслица. Не понимая, что к чему, Грэм ухватился за конец фразы.

– Шестьдюж львов? – повторил он.

– А у вас что, не было львов? Да, пожалуй, нет. У вас были эти старинные фунты, так? Лев – наша денежная единица.

– Но вы еще сказали – шестьдюж?

– Да, сир. Шесть дюжин. Вы жили при десятичной, арабской системе счета – единицы, десятки, сотни, тысячи. У нас же двенадцатеричная система. От единицы до одиннадцати числа однозначные, начиная с дюжины – двузначные; дюжина дюжин составляет гросс, или большую сотню, дюжина гроссов – дюжанд, а дюжанд дюжандов – мириад. Очень просто, не так ли?

– Пожалуй, – согласился Грэм. – Но что значит капилло... Как это вы сказали?

– А вот и ваша одежда, – взглянув через плечо, объявил русобородый.

Грэм обернулся. Рядом с ним стоял улыбающийся портной, перекинув через руку только что изготовленный костюм, а стриженный парнишка одним пальцем толкал замысловатую машину в сторону лифта. Грэм удивленно окинул взглядом новое одеяние.

– Вы хотите сказать...

– Только что сделано, – сказал портной. Он сложил свою работу к ногам Грэма, подошел к ложу, на котором совсем недавно покоился Спящий, скинул на пол прозрачный матрас и поставил зеркало вертикально.

Бешено зазвенел звонок. Человек с русой бородкой выбежал через арку.

Пока портной помогал Грэму облачаться в темно-пурпурного цвета комбинезон, объединяющий нижнее белье, чулки и жилет, толстяк и русобородый вернулись в комнату. Они вполголоса обменивались быстрыми фразами. В их движениях безошибочно угадывалась тревога. Поверх пурпурного нижнего комбинезона Грэм надел верхний, голубовато-белый, и теперь был облачен по моде. Взглянув в зеркало, он увидел себя – по-прежнему изможденным, растрепанным и небритым, но, по крайней мере, не голым и даже – каким-то непостижимым образом – элегантным.

– Я должен побриться, – заметил он, разглядывая свое лицо.

– Сейчас, – сказал Говард.

Молодой человек перестал разглядывать Грэма, закрыл глаза, снова открыл и, вытянув тонкую руку, приблизился к нему. Остановился, огляделся вокруг и медленно взмахнул рукой.

– Стул! – нетерпеливо скомандовал Говард, и русобородый быстро пододвинул Грэму кресло.

– Садитесь, пожалуйста, – проговорил Говард.

Грэм заколебался, заметив, что в руке молодого человека, смотревшего на него таким безумным взором, сверкнула сталь.

– Неужели вы не понимаете, сир? – успокоил его русобородый. – Он собирается постричь вас.

– Ах так! – с облегчением воскликнул Грэм. – Но вы сказали, что он...

– Совершенно верно, капиллотомист! Один из лучших мастеров в мире.

Грэм поспешно сел в кресло. Человек с льняной бородкой исчез, а капиллотомист грациозно шагнул вперед, ощупал уши Грэма, изучил затылок и собирался присесть, чтобы еще разглядывать его, если бы не явное нетерпение Говарда. Наконец быстрыми движениями, ловко действуя своими инструментами, он сбрил Грэму бороду, подровнял усы, подстриг и причесал волосы. Все это он проделал без единого слова, увлеченно, с вдохновением настоящего поэта. Едва он завершил работу, Грэму подали пару башмаков.

Неожиданно, по-видимому из угла, раздался громкий голос:

– Скорее, скорее! Весь город уже узнал! Все прекращают работу. Прекращают работу. Не медлите, спешите!

Эти слова чрезвычайно всполошили Говарда. Грэм понял, что тот колеблется. Наконец он пошел в угол, где стоял аппарат с маленьким хрустальным шаром. Как раз в этот момент неумолкающий шум толпы усилился до мощного рева и столь же быстро затих. Грэма неудержимо потянуло к этому шуму. Он покосился на толстяка и поддался порыву. Двумя широкими шагами спустился по лестнице в галерею и через мгновение уже оказался на балконе, где ранее стояли трое незнакомцев.

Глава V

Движущиеся мостовые

Грэм подошел к перилам и взглянул вверх. Снизу доносился шум от движения огромной толпы, слышались удивленные возгласы.

Но самое первое и ошеломляющее впечатление на него произвело открывшееся его взору архитектурное сооружение. Пространство, на которое он смотрел, представляло собой проход между двумя рядами титанических зданий, плавно загибающийся в обе стороны. Наверху смыкались мощные консоли, перекрывая проход по всей огромной ширине, над ними нависала прозрачная кровля. Холодный белый свет, исходивший из гигантских шаров, пересиливал слабые солнечные лучи, едва пробивающиеся сквозь гущу ферм и проводов. Кое-где над бездной подобно нитям паутины висели ажурные мосты, по которым во множестве двигались черные фигурки пешеходов. Воздух был заткан тонкими тросами. Громада здания нависала над Грэмом, он убедился в этом, взглянув вверх, а фасад противоположного дома смутно вырисовывался в серой мгле и был прорезан огромными арками, круглыми проемами, усеян балконами, контрфорсами, выступающими башенками, мириадами огромных окон и замысловатыми архитектурными украшениями. По фасаду горизонтально и наискось тянулись надписи, сделанные незнакомыми буквами. Тут и там под самой крышей были закреплены особо толстые тросы; они спускались плавными дугами, уходя в круглые отверстия на противоположной стене. Внимание Грэма привлекла маленькая фигурка человека в светло-синей одежде, стоявшего на каменном выступе у одной из верхних точек крепления этих гирлянд. Он держался за еле заметную струну. Вдруг человек единым махом скользнул по тросу и пропал в круглом отверстии на другой стороне улицы. Выходя на балкон, Грэм прежде всего стал смотреть вверх, и увиденное там настолько захватило его, что отвлекло от остальной картины. Но теперь он рассмотрел и улицу! Это была совсем не улица в понимании Грэма – в девятнадцатом веке дороги и улицы представляли собой твердые полосы мощеной неподвижной земли, запруженные лавиной экипажей, ползущих между узкими тротуарами. Эта улица была шириной в триста футов – и она двигалась; двигалась вся, кроме средней, самой низкой ее части. На минуту у него закружилась голова от этого зрелища. Затем он понял.

Под самым балконом эта необычная дорога неслась вправо – нескончаемой лентой, со скоростью экспресса девятнадцатого века; она представляла собой бесконечную платформу, состоящую из узких поперечных площадок, заходящих одна на другую. Небольшие интервалы позволяли платформе повторять изгибы улицы. На платформе помещались сиденья, а кое-где и маленькие кабинки, но все это пролетало так быстро, что он не мог ничего на них разглядеть. Параллельно ближайшей, самой быстрой полосе двигались другие, вплоть до середины улицы. Каждая из них двигалась вправо, но заметно медленнее предыдущей, более высокой платформы; разница скоростей была достаточно мала, чтобы без труда переходить с одной платформы на другую и таким образом перемещаться от самой быстрой крайней полосы к неподвижной средней и обратно. За этой средней полосой начинался другой ряд бесконечных платформ, двигающихся каждая со своей, постепенно нарастающей скоростью в противоположную сторону. Множество людей самого разного вида сидели на двух самых широких и быстрых крайних полосах, либо спускались на соседние платформы, движущиеся медленней, либо скапливались на центральной полосе.

– Вам нельзя здесь стоять, – раздался рядом голос Говарда. – Вы должны немедленно уйти.

Грэм не ответил. Он будто не слышал этих слов. Мимо с грохотом бежали платформы и кричал народ. Он видел женщин и девушек с распущенными волосами, в прекрасных нарядах,

с лентами на груди. Они прежде всего бросались в глаза среди этой сумятицы. Затем Грэм отметил, что доминирующим цветом в калейдоскопе одежд все-таки был светло-синий, как у помощника портного. Он начал различать отдельные выкрики: «Спящий! Что случилось со Спящим?» – и заметил, что движущиеся платформы все гуще покрываются бледными пятнами человеческих лиц, обращенных к нему. Он мог разглядеть указывающие на него пальцы. Неподвижная средняя часть улицы была запружена напротив балкона толпой людей, одетых в синее. Там началась давка. Некоторых спихивали на движущиеся платформы, и их уносило прочь. Однако они прыгивали, как только удалялись от центра толпы, и бегом бросались обратно, в свалку.

– Это Спящий! Точно, это Спящий! – вопили одни.

– Нет, это не Спящий! – кричали другие.

Все новые лица поворачивались в его сторону. Через определенные интервалы на центральной полосе, как заметил Грэм, располагались отверстия, – очевидно, там находились лестницы, по которым люди поднимались на улицу и уходили с нее. Свалка шла вокруг одной из этих лестниц, ближайшей к нему. Люди бежали туда, перепрыгивая с платформы на платформу. Народ, собравшийся на более высоких платформах, проявлял интерес и к этой сумятице, и к балкону. Несколько крепких фигур в ярко-красной одинаковой одежде, действуя слаженно, пытались перекрыть доступ к лестнице. Толпа вокруг них быстро прибывала. Яркий цвет мундиров резко контрастировал с бледно-синей одеждой их противников, а это, несомненно, были противники – красные и синие явно противостояли друг другу.

Грэм не мог оторваться от этого зрелища, хотя Говард кричал у него над ухом и тряс за плечо. Но вдруг Говард куда-то исчез, и он остался один.

Возгласы «Спящий! Спящий!» усилились, и все люди, сидевшие на ближайшей платформе, встали. Пронесясь мимо Грэма, скоростные полосы быстро пустели. Огромная толпа собралась на центральной полосе напротив балкона, густая масса людей кипела, ее прерывистые выкрики переросли в непрерывный грозный гул: «Спящий! Спящий!» Люди выкрикивали приветствия, размахивали руками и вопили: «Остановите движение!» Слышалось также другое имя, незнакомое Грэму. Оно звучало как «Острог»². Медленные платформы заполнялись людьми. Они бежали против движения, стараясь удержаться напротив балкона.

– Остановите движение! – кричали они. Некоторые, самые ловкие, выбегали на скоростную полосу, поближе к нему, кричали что-то неразборчивое и быстро отскакивали обратно, к центральной полосе. В конце концов он расслышал:

– Это Спящий! Это действительно Спящий!

Некоторое время Грэм стоял неподвижно. Потом с пронзительной ясностью понял, что все это из-за него. Эта неожиданная популярность доставляла удовольствие, и он поклонился и помахал рукой, стараясь, чтобы его увидели и дальние зрители. Ответная реакция его потрясла. Схватка у лестницы стала еще более ожесточенной. Он заметил, что люди бросились на балконы, заскользили вниз по тросам. Некоторые перелетали через улицу на сиденьях, похожих на цирковые трапеции. За спиной Грэма послышались голоса – несколько человек спускались по ступеням из-под арки. Его опекун Говард подошел к нему, крепко схватил за руку и что-то прокричал на ухо. Грэм обернулся и увидел совершенно белое лицо Говарда.

– Уходите! – услышал Грэм. – Они остановят движение. Начнутся беспорядки во всем городе.

Вслед за Говардом по проходу между синими колоннами спешили другие – рыжеволосый, человек с льняной бородкой, высокий мужчина в алом одеянии и несколько человек в красном с жезлами в руках. Лица у всех были озабоченные.

– Уведите его! – приказал Говард.

² Сознательное употребление автором русского слова.

– Но почему? – воскликнул Грэм. – Я не понимаю...

– Вы должны покинуть это место! – твердо сказал человек в красном. Лицо и глаза его выражали решимость.

Грэм обвел взглядом лица остальных и вдруг понял: если он не подчинится, к нему применят силу. Кто-то схватил Грэма за руку...

Его потащили прочь. Рев толпы усилился, прорвался в коридоры здания и гремел теперь за его спиной. Изумленного и растерянного Грэма провели – или проволокли – через синюю колоннаду и оставили наедине с Говардом в кабине лифта, рванувшегося вверх.

Глава VI

Зал атланта

С того момента, как портной, закончив свою работу, откланялся, и до того, как Грэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Он по-прежнему ощущал последствия долгой летаргии и чувствовал себя как в тумане; казалось странным само его бытие в этой отдаленной эпохе, он воспринимал это как нечто иррациональное, как сон, чересчур похожий на явь. Для него, изумленного, но не вовлеченного в действие наблюдателя, все увиденное – особенно зрелище бушующей толпы, открывшееся ему с балкона, – приобретало оттенок театральности, напоминало спектакль, разыгранный на сцене.

– Я не понимаю, – проговорил он. – Что это было? У меня голова идет кругом. Почему они так кричат? Что нам угрожает?

– У нас есть кое-какие проблемы, – ответил Говард, избегая вопросительного взгляда Грэма. – Такое уж беспокойное сейчас время. Хотя, конечно, ваше появление, ваше пробуждение именно в данный момент находится в некоторой связи с...

Он говорил отрывисто, как человек, который никак не может перевести дух. Речь его оборвалась на полуслове.

– Но я не понимаю... – повторил Грэм.

– Позже все разъяснится, – сказал Говард и тревожно посмотрел вверх, словно ему казалось, что лифт движется слишком медленно.

– Несомненно, осмотревшись, я стану лучше понимать окружающее, – озадаченно продолжал Грэм. – А пока все так странно. Даже в мелочах. Ваша система счета, к примеру, сильно отличается от нашей.

Лифт остановился, и они вышли в узкий, очень длинный коридор, вдоль высоких стен которого тянулись в огромном множестве различные трубы и толстые кабели.

– Какое огромное помещение! – заметил Грэм. – Это все – одно здание? Что это за место?

– Одна из городских систем, обеспечивающих общественные надобности. Свет и тому подобное.

– А там, на большой улице, – это были беспорядки? Как вы управляете обществом? У вас все еще есть полиция?

– Несколько видов, – ответил Говард.

– Несколько?

– Около четырнадцати.

– Не понимаю.

– И неудивительно. Наше общественное устройство покажется вам чрезвычайно сложным. По правде говоря, я и сам его не слишком понимаю. Да и никто, в сущности, не понимает. Вы, может быть, со временем разберетесь. А пока нам нужно идти в Совет.

Поначалу Грэм пытался сосредоточить внимание на Говарде и его сдержанных ответах, но потом нить объяснений стала ускользать, уступая место живым, неожиданным впечатлениям. В коридорах и залах половина людей, казалось, была в красном. Бледно-синяя холщовая одежда, которую он в изобилии видел на движущихся дорогах, здесь не попадалась. При его появлении все неизменно поворачивались, приветствовали их с Говардом, провожали взглядами. Запомнился длинный коридор, в котором на низких сиденьях, словно в классе, сидели девочки. Учителя не было видно, но ученицы слушали голос, исходивший из незнакомого Грэму аппарата. Девочки посмотрели на него и его провожатого, как ему показалось, с любопытством и удивлением. У Грэма не было времени сообразить, зачем их здесь собрали, но они,

видимо, хорошо знали Говарда и совсем не знали Грэма. Этот Говард, по-видимому, был важной персоной – и в то же время всего лишь опекуном Грэма. Как странно!

Они миновали проход, где под потолком была подвешена пешеходная галерея, по которой сновали люди, причем Грэм мог разглядеть только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись коридоры, в которых редкие прохожие изумленно оборачивались и глядели вслед Грэму, Говарду и их охранникам, одетым в красное.

Действие тонизирующих средств оказалось недолгим. Он быстро утомился от этой поспешной ходьбы и попросил Говарда убавить шаг. Они вошли в лифт с окном, выходящим на улицу, но оно было туманным и не открывалось; к тому же они находились слишком высоко, чтобы разглядеть движущиеся платформы. Однако Грэм различал людей, скользящих по тротуарам или спящих по странным, хрупким на вид мостикам.

Затем они сами перешли улицу на огромной высоте по узенькому застекленному мосту, одно воспоминание о котором вызывало позже у Грэма головокружение. Настил моста тоже был стеклянный. По своим впечатлениям от скал между Нью-Куэем и Боскаслем, столь отдаленным во времени, но таким свежим по ощущению, Грэм заключил, что они идут примерно в четырехстах футах над движущейся дорогой. Он остановился и глянул на роящиеся внизу крошечные синие и красные фигурки, которые все еще толкались и жестикулировали перед маленьким, игрушечным балконом. Легкая дымка и слепящее сияние световых шаров мешали четко видеть на таком расстоянии. Какой-то человек, сидя в открытой люльке, вылетел откуда-то сверху, мелькнул над узким стеклянным мостиком и стремительно, словно падая, пронесся вниз по тросу. Грэм невольно остановился и смотрел, пока этот странный пассажир не исчез в огромном круглом отверстии, а затем стал вновь глядеть на кипящую уличную схватку.

По одной из быстроходных полос передвигалась плотная группа красных точек. Приблизившись к балкону, она рассыпалась и двинулась через более медленные полосы в сторону густой толпы, собравшейся в середине улицы. Эти люди в красном, по-видимому, были вооружены палками или дубинками. Казалось, они расталкивали толпу и били сопротивлявшихся. Грэм услышал едва различимые вопли, гневные возгласы.

– Идите же! – выкрикнул Говард, положив ему руку на плечо.

Еще один человек промчался вниз по тросу. Грэм взглянул вверх, желая узнать, откуда он появился, и сквозь стеклянную крышу и переплетение тросов и ферм смутно увидел ритмически мелькающие тени каких-то плоскостей, похожих на крылья ветряных мельниц, а между ними – смутные проблески бледного неба. Говард подтолкнул его, они сошли с моста и оказались в небольшом узком проходе, украшенном орнаментом из геометрических фигур.

– Я хочу посмотреть вниз! – упираясь, воскликнул Грэм.

– Нет, нет, – возразил Говард, не выпуская его руки. – Сюда. Вы должны пройти сюда.

Сопровождавшие их люди в красном, казалось, готовы были увести Грэма силой.

В конце коридора появились несколько негров в забавных черно-желтых мундирах: они были похожи на ос. Один из них поспешил к скользящей заслонке, которая, как догадался Грэм, служила дверью, сдвинул ее вверх и повел их внутрь. Грэм оказался на галерее, нависавшей над большим помещением. Черно-желтый провожатый пересек галерею, поднял следующую дверь и встал рядом с нею.

Помещение напоминало вестибюль. В середине стояла группа людей, а в противоположном конце находился величественный дверной проем, занавешенный тяжелыми портьерами; между ними проглядывал лестничный марш, ведущий вниз, в какой-то обширный зал. По обе стороны от входа неподвижно стояли белые стражники в красных мундирах и негры в черно-желтой форме.

Проходя через галерею, он уловил внизу шепот: «Спящий», люди поворачивались к нему и тихо переговаривались. Через коридорчик, проходивший внутри стены вестибюля, они попали на галерею с металлическими перилами, огибавшую с одной стороны огромный зал,

который только что мелькнул за портьерами. Они очутились в самом углу зала, так что Грэм мог получить впечатление о его пропорциях и огромных размерах. Стоявший у входа негр в черно-желтой одежде, как вышколенный лакей, опустил за ними заслонку.

В сравнении с любым из помещений, виденных здесь Грэмом, этот зал показался ему особенно богато украшенным. В дальнем конце, на пьедестале, ярко выделяясь среди всего остального, стояла гигантская белая статуя Атланта, мощная и напряженная, держащая на согбенных плечах земной шар. Статуя поразила Грэма – она была такая огромная, такая простая и белая, такая пронзительно – до боли – настоящая. Если не считать этой статуи и помоста посередине, сияющий пол зала был совершенно пуст. Помост терялся среди огромного пространства; издали он мог показаться всего лишь плоским бруском металла, если бы не семь человек, которые окружали стоявший на нем стол, возвращая таким образом помосту его истинные пропорции. Все семеро были одеты в белые мантии и с пристальным вниманием смотрели на Грэма. На краю стола поблескивали какие-то приборы.

Говард вел его вдоль галереи, пока они не оказались напротив статуи согнувшегося под непомерной ношей титана. Там они остановились. Два человека в красном, сопровождавшие их, подошли и встали по обе стороны от Грэма.

– Вы должны остаться здесь, – пробормотал Говард. – На несколько минут. – И, не дожидаясь ответа, поспешил прочь по галерее.

– Но почему?.. – начал было Грэм.

Он сделал движение, как бы намереваясь последовать за Говардом, но обнаружил, что один из людей в красном загородил ему дорогу.

– Вы должны подождать здесь, сир, – сказал страж.

– С какой стати?

– Таков приказ.

– Чей приказ?

– Нам так приказано, сир.

Грэм видел, что стражник раздражен.

– Что это за помещение? – тут же спросил он. – И кто эти люди?

– Это члены Совета, сир.

– Какого Совета?

– Нашего Совета.

– О! – вздохнул Грэм и после столь же неудачной попытки поговорить с другим стражем подошел к перилам и стал смотреть на группу людей в белом, которые, в свою очередь, разглядывали его и перешептывались.

Что за Совет? Он вдруг заметил, что их стало уже восемь, хотя не видел, откуда мог появиться восьмой. Они не делали никаких жестов или приветственных знаков – просто стояли и глазели на него, как в девятнадцатом веке кучка зевак могла бы смотреть, стоя на улице, на неожиданно появившийся высоко в небе воздушный шар. Что это был за Совет, что за люди собрались у ног величественной белой фигуры Атланта, укрывшись от посторонних глаз в роскошном этом зале? И зачем его сюда привели? Неужто для того только, чтобы разглядывать его и неслышно переговариваться?

Внизу показался Говард, спешивший по блестящему полу в их сторону. Приблизившись, поклонился и сделал несколько странных жестов, по-видимому составлявших часть церемониала. Затем поднялся по ступенькам на помост и остановился возле аппаратов на краю стола.

Грэм некоторое время наблюдал за их неслышной беседой. Иногда кто-то из собеседников бросал взгляд в его сторону. Он тщетно напрягал слух. Жестикуляция разговаривающих сделалась оживленной. Грэм перевел взгляд на бесстрастные лица сопровождающих. Когда он снова повернулся к помосту, Говард размахивал руками и протестующе тряс головой. Его, по-видимому, прервал один из людей в белом, хлопнув ладонью по столу.

Разговор длился нескончаемо. Грэм поднял глаза на неподвижного гиганта, у подножия которого собрался Совет. Затем рассмотрел стены зала. Их украшали длинные расписные панели в псевдояпонском стиле; некоторые были очень хороши. Забранные в огромные тонкой работы рамы из темного металла, панели эти гармонировали с металлическими кариатидами, поддерживавшими галерею, и прочими элементами интерьера. Легкая их грация подчеркивала мощь белой скульптуры, расположенной в центре всей композиции. Грэм снова посмотрел в сторону Совета: Говард спускался с помоста. По мере приближения черты его лица видны были все отчетливее. Грэм заметил, что его опекун покраснел и тяжело дышит. Говард выглядел встревоженным.

– Сюда, – отрывисто сказал он, и они молча подошли к маленькой двери, которая тотчас открылась.

По обе стороны стояли люди в красном. Проходя через дверь, Грэм оглянулся и увидел, что члены Совета в белых мантиях все еще стоят тесной группой и смотрят ему вслед. Затем дверь с гулом захлопнулась, и в первый раз после своего пробуждения Грэм очутился в полной тишине. Даже их шаги были бесшумны.

Говард отворил следующую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, обставленных белой и зеленой мебелью.

– Что это за Совет? – начал Грэм. – Что они обсуждали? Какое они имеют ко мне отношение?

Говард тщательно запер дверь, тяжело вздохнул и что-то пробормотал себе под нос. Прошелся из угла в угол, повернулся и снова вздохнул.

– Уф-ф! – сказал он с облегчением.

Грэм выжидательно смотрел на него.

– Вы должны понять, – вдруг заговорил Говард, стараясь не смотреть Грэму в глаза, – наше общественное устройство очень сложно. Знакомство с голыми фактами без надлежащего объяснения может создать у вас ложное впечатление. Дело в том, что ваши небольшие средства и оставленное вам наследство вашего кузена Уорминга, вложенные в банки и в некоторые другие предприятия, превратились в очень крупное состояние. И различными путями, которые вам сейчас трудно было бы понять, вы сделали значительной персоной – весьма значительной и влиятельной, вовлеченной в дела всего мира.

Он умолк.

– И что? – спросил Грэм.

– Происходят крупные волнения.

– И что же?

– Дела обернулись так, что самое благоразумное сейчас – это изолировать вас здесь.

– Превратить в узника! – воскликнул Грэм.

– Ну, скажем, попросить вас вести некоторое время уединенный образ жизни.

Грэм повернулся к нему.

– Это странно, – сказал он.

– Вам не причинят никакого вреда.

– Вреда?

– Но вы должны оставаться здесь...

– Пока я не разберусь в своем положении, не так ли?

– Совершенно верно.

– Прекрасно. Тогда начнем. О каком вреде вы говорили?

– Не сейчас.

– Почему?

– Это слишком долгая история, сир.

– Тем больше оснований начать не откладывая. Вы сказали, что я – значительная персона. Что тогда означают крики, которые я слышал? Почему толпа пришла в возбуждение и стала кричать, узнав, что мой летаргический сон окончился, и кто эти люди в белом, собравшиеся в зале Совета?

– Все в свое время, сир, – сказал Говард. – Но не с налета, не с налета. Сейчас один из таких неустойчивых моментов, когда все возбуждены до предела. Ваше пробуждение... его никто не ожидал. Поэтому Совет проводит консультации.

– Какой Совет?

– Тот, который вы видели.

Грэм сделал нетерпеливый жест.

– Это все не то. Вы должны рассказать мне, что происходит.

– Вам придется подождать. Набраться терпения и подождать.

Грэм сел.

– Ну что ж, если я так долго ждал, чтобы вновь обрести жизнь, – сказал он, – то могу подождать еще немного.

– Так-то лучше, – обрадовался Говард. – Да, намного лучше. А теперь я должен покинуть вас. На некоторое время. Мне нужно присутствовать на заседании Совета... Прошу меня извинить.

Он направился к двери, бесшумно открыл ее и, чуть помедлив, исчез.

Грэм подошел к двери, попытался открыть ее и обнаружил, что она заперта каким-то неведомым ему способом. Он повернулся и принялся кругами шагать по комнате. Снова сел. Некоторое время Грэм продолжал сидеть, скрестив руки на груди, хмурился, грыз ногти и пытался собрать воедино калейдоскопическую мозаику впечатлений первого часа своей жизни после пробуждения: огромные механизированные пространства, бесконечные анфилады комнат и переходов, борьбу на этих странных движущихся мостовых, кучку враждебных людей у подножия гигантского Атланта, загадочное поведение Говарда... И намек на огромное наследство – которым, возможно, злоупотребляли, – наследство, дающее ему беспрецедентное влияние и возможности. Что он должен делать? Глухая тишина его комнаты красноречиво говорила Грэму, что он – пленник.

Ему подумалось, что вся эта череда ярких картин была сном. Он попытался крепко зажмуриться, но это испытанное средство не помогло. Все происходило наяву.

Тогда он принялся ощупывать и исследовать незнакомые предметы, находившиеся в двух небольших комнатах, где он был заперт. Увидев свое отражение в большом овальном зеркале, он изумленно остановился. Перед ним стоял человек в изящном одеянии пурпурного и голубовато-белого цветов, с небольшой, остроконечно подстриженной седеющей бородкой. Посеребренные сединой черные волосы обрамляли лоб странной, но довольно красивой прической. На вид ему было лет сорок пять. Некоторое время Грэм не осознавал, что видит себя самого. Затем с усмешкой промолвил:

– Вот позвать бы сейчас старину Уорминга и заставить его пригласить меня куда-нибудь на обед!

Грэм стал думать, кого из знакомых по прежней жизни ему хотелось бы увидеть, но посреди этих приятных мыслей вспомнил, что все, с кем он бы мог весело провести время, давным-давно умерли. Эта мысль так больно поразила его, что он поник и побледнел.

Беспокойные воспоминания о движущихся мостовых и гигантских фасадах вернулись с прежней силой. Крики толпы снова зазвучали в ушах громко и отчетливо. Неслышно говорящие друг с другом, полные враждебности члены Совета в белых одеждах встали перед глазами. Он ощутил себя маленьким, жалким и бессильным – выставленным напоказ в этом чужом, совсем чужом мире.

Глава VII

В комнатах безмолвия

Грэм продолжил исследование своих апартаментов. Любопытство взяло верх над усталостью. Дальняя комната оказалась высокой, с купольным сводом наверху. Продолговатое отверстие в центре купола переходило в воронку, где вращалось колесо с широкими лопастями, по-видимому, вытягивая воздух наружу. Легкое жужжание вентилятора было единственным звуком, различимым в тишине этих покоев. В промежутках между мелькающими лопастями Грэм смог разглядеть кусочек неба и с изумлением заметил на нем звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат обеспечивало множество очень слабых лампочек, размещенных вдоль карнизов. Окон не было. Он начал припоминать, что во всех огромных помещениях и коридорах, через которые они проходили с Говардом, он не заметил ни одного окна. А есть ли здесь вообще окна? Он видел окна на фасадах зданий, но предназначались ли они для освещения? Или весь город постоянно освещается искусственным светом и ночи здесь вовсе нет?

Его поразило и другое. В комнатах не было каминов. Возможно, сейчас летний сезон, а это – летние покои. Или же весь город имеет единую систему обогрева и охлаждения? Это заинтересовало Грэма, и он ощупал гладкую поверхность стен, изучил кровать весьма простой конструкции и хитроумные приспособления, делавшие практически ненужной ручную уборку помещения. Любопытно было полное отсутствие украшений – только изящные формы и гармоничные цвета. Грэм нашел это приятным для глаза. Здесь было несколько очень удобных кресел и легкий стол на бесшумных колесиках, на котором стояли бутылки с напитками, стаканы и два блюда с чем-то прозрачным, наподобие желе. Он отметил, что нет ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. «Мир и в самом деле изменился», – подумал он.

Вся стена проходной комнаты была заставлена рядами странных парных цилиндров с надписями зелеными буквами по белому фону, в тон общему убранству комнаты. Посреди стены выступал небольшой квадратный аппарат размером примерно ярд на ярд с белой гладкой лицевой поверхностью. Напротив него стояло кресло. У Грэма мелькнула мысль, что эти цилиндры, возможно, заменяют книги, хотя внешне их вовсе не напоминают.

Надписи на цилиндрах озадачили его. Сначала ему показалось, что они сделаны по-русски. Потом он понял, что это искаженный английский: «**Θi** Man huwdbi Kig», – вероятно, фраза: «Человек, который мог быть королем». «Фонетическое письмо», – догадался он. Грэм помнил, что читал книгу с таким названием, и вспомнил ее живо – одну из самых лучших книг в мире. Но предмет, который он держал в руке, вовсе не был книгой. Он расшифровал названия двух соседних цилиндров. «Душа тьмы» и «Мадонна будущего» – о таких книгах Грэм не слышал, они были, по-видимому, написаны после Викторианской эпохи.

Грэм еще какое-то время с любопытством разглядывал цилиндры и поставил их на место. Затем повернулся к аппарату и принялся его изучать. Обнаружив что-то вроде крышки, он открыл ее и увидел внутри двойной цилиндр, а на верхнем крае – кнопку, как у электрического звонка. Грэм нажал ее, аппарат издал несколько быстро следующих один за другим щелчков. Затем послышались голоса, музыка, и на гладкой белой поверхности заиграли цветные пятна. Он вдруг понял, что это такое, попятился и стал смотреть.

На плоской поверхности теперь появилась яркая цветная картинка с движущимися фигурками. Они не только передвигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление было такое, как если бы Грэм смотрел в перевернутый театральный бинокль, а слушал через длинную трубу. Его сразу заинтересовала представленная сцена, в которой мужчина шагал туда-сюда и сердито пререкался с хорошенькой, но вздорной женщиной. Оба пер-

сонажа были одеты в живописные костюмы, очень странные, на взгляд Грэма. «Я работал, – кричал мужчина, – а ты чем занималась?»

– Вот это да! – воскликнул Грэм.

Он забыл обо всем остальном и уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал упоминание о себе: «Когда Спящий проснется» – фразу, употребленную для обозначения отсрочки на неопределенное время или применительно к событию отдаленному и маловероятному. За короткое время он узнал эту пару почти как близких друзей.

Наконец миниатюрная драма закончилась, и прямоугольная поверхность прибора снова опустела.

В какой странный мир удалось ему заглянуть – беспринципный, деятельный, коварный, мир людей, ищущих наслаждений, в мир жестокой экономической борьбы. Некоторые намеки остались ему непонятны, а кое-какие эпизоды говорили о странных изменениях нравственных идеалов и сомнительных успехах просвещения. Синюю одежду, которую он в таком обилии наблюдал на движущихся мостовых, носило простонародье. У Грэма не было сомнений, что история, которую он только что видел, была современной и вполне реалистичной. Трагический финал подействовал на него угнетающе. Некоторое время он продолжал сидеть, глядя в пустоту.

Наконец Грэм вздрогнул и протер глаза. Он настолько увлекся этой современной заменой романа, что, очнувшись в небольшой зелено-белой комнате, испытал не меньшее изумление, чем при своем первом пробуждении.

Грэм встал и сразу вернулся в собственную страну чудес. Ясности и простоты кинетоскопа как не бывало. Вспомнился загадочный Совет, схватка на огромной улице – все пережитое после пробуждения. Люди в кинетоскопе говорили о Совете, для них он олицетворял власть и могущество. Упоминали и о Спящем. Грэма не слишком тронуло, что он и есть Спящий. Надо бы точнее припомнить, что они говорили...

Он пошел в спальню и стал смотреть вверх, сквозь вращающиеся лопасти вентилятора. Они проносились одна за другой, пропуская в комнату какой-то ритмичный гул, похожий на шум машин. Больше не было слышно ни звука. Невзирая на вечный день, сияющий в его покоях, он мог разглядеть мелькающую полоску неба, теперь темно-синюю, почти черную, с россыпью мелких звезд...

Грэм продолжил исследование комнат. Не удалось ни разгадать секрет двери, ни обнаружить звонок или другое устройство для вызова прислуги. Ощущение чуда несколько притупилось, но им по-прежнему владело любопытство, жажда узнавать новое. Хотелось лучше понять свое положение в этом новом порядке вещей. Грэм пытался заставить себя терпеливо ждать, пока кто-нибудь не появится, но острое желание перемен, свежих впечатлений не оставляло его.

Он вернулся в другую комнату к аппарату и скоро понял, как заменяются цилиндры. Тут он подумал, что, видимо, именно благодаря этим устройствам язык сохранился настолько, что остался понятным и через двести лет. Выбранные наудачу цилиндры показывали какую-то музыкальную фантазию. Вначале мелодия была прекрасна, но потом она стала слишком чувственной. Грэм догадался, что перед ним разворачивается переименованная история Тангейзера. Музыка была ему незнакома, но постановка оказалась реалистической, хотя некоторые места оставались непонятными. Тангейзер отправлялся не к Венериной горе, а в Город Наслаждений. Что за Город Наслаждений? По-видимому, это была мечта, сладострастная фантазия автора.

Сначала Грэм смотрел и слушал с любопытством. История была окрашена какой-то странной, искаженной сентиментальностью. Внезапно она перестала ему нравиться. И чем дальше, тем сильнее отталкивала.

Грэм почувствовал отвращение. Тут не было живописности, идеализации – одна фотографическая реальность. С него довольно этой Венериной горы двадцать второго века! Грэм

забыл о месте этого сюжета в искусстве девятнадцатого века и дал волю своему возмущению. Поднялся, раздосадованный, почти стыдясь того, что увидел – хотя бы и в одиночестве. Потянувшись к аппарату, попробовал силой остановить его. Что-то щелкнуло. Сверкнула фиолетовая искра, он ощутил рукой электрический удар, и аппарат умолк. Когда на следующий день он попытался заменить цилиндры с Тангейзером на другую пару, то обнаружил, что аппарат не работает...

Взволнованный, переполненный впечатлениями, Грэм принялся шагать из угла в угол. Сведения, почерпнутые из цилиндров, картины, которые он наблюдал сам, сбивали с толку. Теперь казалось просто невероятным, что за тридцать лет жизни он ни разу не попытался представить себе образ будущего мира.

«Мы творили будущее, – сказал он себе, – но никто из нас не заставил себя всерьез задуматься, какое будущее мы создаем. А теперь – вот оно! Чего они достигли, что было сделано ими? Как я войду в этот мир?» Он был уже готов к огромным размерам зданий и улиц, к неисчислимому множеству людей. Но эти столкновения на платформах! И изощренная чувственность богачей!

Он вспомнил социалистическую утопию Беллами³, так странно превосхитившую его нынешние переживания. Но здесь не утопия, не социалистическое государство. Грэм увидел уже достаточно много, чтобы понять: древний конфликт между роскошью, расточительством и развратом с одной стороны и крайней бедностью с другой сохранил свою силу. Грэму хватало знаний об основных факторах общественной жизни, чтобы увидеть это противостояние. Не только здания этого города были огромны, не только толпы на улицах были огромны – неумолчные крики людей на движущихся мостовых, тревога Говарда, вся атмосфера говорила об огромных масштабах недовольства. Что это за страна? Казалось бы, все еще Англия – но было в ней что-то очень «неанглийское». Тщетно пытался Грэм представить себе остальную часть мира – все закрывала загадочная пелена.

Грэм шагал по комнатам, осматривая все вокруг, как запертый в клетке зверь. Он очень устал, но ощущал лихорадочное возбуждение, не позволявшее отдохнуть. Подолгу стоял он под вентилятором, чтобы поймать хотя бы отдаленный отзвук беспорядков, которые, как он чувствовал, продолжались в городе.

Начал разговаривать с самим собой. Повторял снова и снова, с глупым смехом: «Двести три года! Значит, мне сейчас двести тридцать три года! Самый старый житель Земли. Вряд ли они изменили традиции моего века и власть вернулась к самым старым. У меня не было бы конкурентов. Шамкаю, пускаю слюни. Я ведь помню болгарскую резню так ясно, словно это было вчера. Вот это возраст! Ха, ха!» Он удивился, впервые услышав свой смех, и расхохотался снова, теперь уже нарочно – все громче и громче. Затем осознал, что ведет себя, как безумец. «Тише, тише», – стал он уговаривать себя.

Шаги его сделались более размеренными. «Этот новый мир... – произнес Грэм. – Я не понимаю его. Но почему?.. Сколько этих «почему»! Они, верно, и летать научились, и чего только не могут... Попробую вспомнить, как это все начиналось».

В первую очередь его удивило, какими смутными стали впечатления от его прожитых тридцати лет. Грэм смог вспомнить только обрывки, какие-то не слишком важные эпизоды. Лучше всего сохранились детские воспоминания; он вспомнил школьные учебники и уроки арифметики. Затем он обратился к более значительным событиям своей жизни, вспомнил давно умершую жену, ее магическое влияние на него, теперь исчезнувшее, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил о важных решениях, которые ему приходилось принимать, о годах лишений и, наконец, о своей напряженной работе. Вскоре вся прежняя жизнь, казалось, предстала пред ним, хотя и покрытая дымкой, налетом – словно потускневший

---

³ Беллами Эдвард (1850–1898) – американский писатель, автор утопического романа «Взгляд назад» (1887).

металл, который можно отполировать заново. Воспоминания были печальны – стоило ли полировать этот металл? Чудом он вырвался из той невыносимой жизни...

Грэм вернулся к своему нынешнему положению. Попытался разобраться с фактами – напрасно. Запутался в клубке противоречий. Сквозь вентилятор виднелось розовое рассветное небо. Из темных закоулков памяти возникла старая навязчивая мысль. «Я должен уснуть», – сказал он себе. Сон казался блаженным отдыхом от умственного напряжения и от нарастающей боли и тяжести в конечностях. Он подошел к странной небольшой кровати, лег и скоро уснул.

Поневоле Грэму пришлось основательно ознакомиться со своим жилищем, ибо заключение его длилось три дня. За все время никто, кроме Говарда, не появлялся в его комнатах. Загадочность его дальнейшей судьбы перемешалась с загадочностью пробуждения и как бы затмила ее. Грэм явился человечеству словно для того, чтобы оказаться упрятым в это непонятное одиночное узилище. Говард приходил регулярно, принося укрепляющие и питательные напитки и легкую приятную пищу, несколько непривычную для Грэма. Всегда тщательно запирает за собой дверь. Вел себя обходительно, однако посвящать Грэма в события, которые происходили за звуконепроходимыми стенами, явно не желал. Насколько мог вежливо Говард избегал разговоров о положении дел во внешнем мире.

Эти три дня Грэм много и напряженно думал. Сложил воедино все увиденное, все изощренные уловки, которые изобретались, чтобы помешать ему видеть больше. Обсудил сам с собой почти все детали своего положения и дал им истолкование. Благодаря этому уединению он смог осмыслить происходившие с ним события. И когда наступил момент освобождения, он был к нему готов...

Поведение Говарда все больше укрепляло в Грэме впечатление о своей значительности. Вместе с Говардом в дверь словно врвался ветер важных событий. Вопросы Грэма становились все более целенаправленными и определенными. Говард увивал от них, повторяя, что пробуждение Грэма застало всех врасплох и к тому же совпало с потрясениями в обществе.

– Чтобы объяснить это, мне пришлось бы рассказать вам нашу историю за последние полтора гросса лет, – отвечал Говард на его расспросы.

– Это означает, – заявил ему Грэм, – что вы опасаетесь моего вмешательства. Я ведь в некотором роде третейский судья. Мог бы стать таким судьей.

– Это не так. Но, должен вам сказать, ваше огромное состояние дает вам большие возможности для вмешательства. Вы влиятельны и по другим причинам – у вас взгляды человека восемнадцатого века...

– Деятнадцатого, – поправил Грэм.

– У вас взгляды старого времени и полное невежество в делах нашего государства...

– По-вашему, я глуп?

– Вовсе нет.

– Или похож на человека, который стал бы действовать опрометчиво?

– От вас вообще никогда не ожидали никаких действий. Никто не рассчитывал на ваше пробуждение. Никто и не мечтал, что вы когда-нибудь проснетесь. Совет содержал вас в стерильных условиях. По сути дела, мы считали, что вы давно мертвы, но процесс разложения остановлен. А между тем... нет, это слишком сложно. Мы не можем так быстро... пока вы еще не полностью проснулись.

– Так не может продолжаться, – сказал Грэм. – Предположим, все так, как вы сказали. Но почему тогда в меня днем и ночью не впикивают всю мудрость нового времени, главные факты и проблемы, чтобы подготовить меня к ответственной роли? Знаю ли я сейчас больше, чем два дня назад, – прошло два дня, как я проснулся, не так ли?

Говард поджал губы.

– Я с каждым часом все яснее начинаю понимать, – продолжал Грэм, – что есть заговор молчания и что вы – центр этого заговора. В этом Совете, или комитете, или как он там называется, стряпают отчеты о моей собственности, разве не так?

– Выражая такие подозрения... – начал было Говард.

– Ох! – перебил его Грэм. – Попомните мои слова, худо придется тем, кто держат меня здесь. Придется худо. Я жив, не сомневайтесь. Я жив, и с каждым днем мой пульс бьется сильнее, а мозг работает яснее и энергичнее. Мне больше не нужен покой. Я – человек, вернувшийся к жизни. И я хочу жить...

– Жить!

Лицо Говарда просияло, словно он что-то придумал. Он приблизился к Грэму и заговорил спокойно и доверительно:

– Совет изолировал вас здесь ради вашего же блага. Вы отвергаете покой. Это естественно, ведь вы такой энергичный человек! Вам здесь скучно. Но мы могли бы удовлетворить любое ваше желание – любое. Чего вы хотите? Может быть, общества?

Он многозначительно умолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.